

Константин Погудин

Королевство Тишины Книга четвёртая Гул

Константин Погудин

Королевство Тишины
Книга четвёртая Гул

«Автор»

2026

Погудин К.

Королевство Тишины Книга четвёртая Гул / К. Погудин —
«Автор», 2026

Прошло восемь лет. Безмолвие живёт в Доме Голоса как почётный гость, мир научился петь вполголоса и в полный голос, а у Ниары и Кайрена растёт дочь Элара. Девочка почти не говорит, зато слышит то, чего не слышит никто. Однажды к берегу причаливает корабль с юга. Посол королевства Ауртис привозит письмо: из моря у их скал поднимается звук без источника, который сводит людей с ума. Там его зовут Гул. Орвен, тысячелетний привратник, считает, что Гул не враг, а брат Безмолвия, и что их разлучили слишком давно. Чтобы спасти чужой город, придётся пересечь море. Ниара готова идти за Кайреном куда угодно, но не готова взять с собой дочь. А Элара уже решила за них.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Девочка, которая слушает	5
Глава вторая. Совет	8
Глава третья. Сборы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Погудин

Королевство Тишины Книга четвёртая Гул

Глава первая. Девочка, которая слушает

Утро в Доме Голоса начиналось с того, что все пытались не наступить на Бургомистра.

Мул дожил до почтенных лет и давно перебрался из конюшни в тёплую кладовую у кухни. Он лежал поперёк прохода, жевал чьё-то забытое одеяло и всем своим видом показывал, что контракт, подписанный восемь лет назад, предусматривал пожизненное содержание. Мара клялась, что так и есть.

— Он не умер от старости, потому что ждёт, пока ему выплатят остаток, — сказала она мне, перешагивая через него с подносом. — У него принципы.

— У него сыр в карманах у всех учеников.

— Это и есть принципы.

Я засмеялась и пошла дальше по коридору. Дом изменился за эти годы. Из мрачной цитадели, где учили молчать, он превратился в шумную, пёструю школу, куда приезжали ученики со всех земель Эльдора. Над дверями висели не серые фонари, а гирлянды из сушёных цветов Мирин. На стенах появились рисунки. В столовой постоянно кто-то пел, не всегда в лад. Бранн и Ожена, давние враги за последнюю булку, три года назад поженились и теперь преподавали вместе: она холод, он огонь, а вместе получалась тёплая вода, которую они гордо называли «методом».

Безмолвие жило в западном крыле, в бывшем зале Очага. Оно не занимало места, не требовало еды и не шумело, но все знали, когда оно рядом: воздух становился мягче, а собственные мысли слышались яснее. Ученики приходили к нему поговорить, как приходят к старому дереву. Оно слушало. Иногда, под вечер, возвращало им услышанное: чью-то смешную песню, чей-то забытый голос. Дети любили это больше всего.

Элару я нашла там, где и ожидала. Она сидела на полу зала Очага, скрестив ноги, и рисовала.

Ей было семь. Тёмные волосы Кайрена, мои серые глаза, упрямый подбородок, в котором мама видела сходство с моим отцом. Она родилась тихой: не кричала при рождении, не плакала. Повитуха побледнела, мама схватилась за стену, а я поняла по лицу Кайрена, что он слышит дочь так ясно, как не слышал никого. Тогда он сказал только: «Она здесь».

Элара говорила редко. Три-четыре слова в день, и те шёпотом, будто берегла голос. Зато рисовала. Все стены её комнаты были покрыты узорами: волнистые линии, спирали, ломаные зигзаги. Кайрен однажды долго смотрел на них и сказал, что это ноты. Не те, которые мы знаем, а какие-то другие.

— Что рисуешь? — спросила я, садясь рядом.

Элара не подняла головы. Карандаш вёл тонкую линию, которая заканчивалась дрожащим клубком, вроде пряжи, которую запутал котёнок.

— Оно, — прошептала она.

— Безмолвие?

Она покачала головой и указала карандашом на клубок.

— Другое.

Я посмотрела на лист. Линии были тёмные, нервные, острые, в отличие от мягких кругов, которые она обычно рисовала, когда слушала Безмолвие. Внутри клубка торчали маленькие зубчики, как у шестерёнки.

— Оно далеко?

Элара кивнула. Потом подняла на меня глаза, и в серой глубине мне почудилось что-то взрослое и очень усталое.

— Ему больно, — сказала она. — Оно громко кричит. А никто не слышит.

Я обняла её, прижала к себе, и она на мгновение уткнулась носом мне в шею.

— Мы услышим, — сказала я. — Обещаю.

Корабль пришёл к полудню.

Я узнала об этом от Лис, которая влетела в зал, размахивая руками.

— Нии, у ворот посол! С юга! Говорит, что у них беда, и что без нас никак. Ещё у неё что-то на ушах, как два котелка, и она вообще ничего не слышит, а читает по губам, поэтому все стоят и произносят слова очень чётко и очень глупо, и Дальхейм уже раскраснелся, потому что кричит по слогам.

За восемь лет Лис вытянулась, стала тонкой и быстрой, как весенний ручей. Она больше не повторяла голоса, она их переводила: с языка эмоций на человеческий, с детского на взрослый, с тихого на громкий. Все посольства Эльдора мечтали заполучить её. Она отказывалась и оставалась в Доме, потому что здесь, как говорила, «рядом те, у кого я могу учиться молчать».

Посол ждала во дворе.

Высокая женщина лет сорока, смуглая, в тёмно-синем плаще с серебряной застёжкой в виде волны. Волосы убраны в тугую узел. На ушах у неё действительно было что-то вроде двух плотных наушников из воска и войлока. Она стояла очень прямо и смотрела на губы каждого, кто говорил.

— Меня зовут Сайрен Дахль, — сказала она ровным, чуть слишком громким голосом. — Я посол королевства Ауртис. Я приплыла просить о помощи.

— Говорите, — сказал Кайрен, выходя вперёд. Он давно научился говорить медленно и ясно, даже не думая об этом. — Мы слушаем.

Сайрен посмотрела ему в лицо и слегка улыбнулась. Должно быть, давно никто не говорил с ней так спокойно.

— Тогда я скажу правду, — ответила она. — У нас в Ауртисе есть место, где люди сходят с ума. Мы зовём это Гулом. Оно живёт в скалах у моря. Сначала мы думали, что это ветер. Потом, что это болезнь. Потом поняли, что это голос.

— Чей? — спросила я.

— Не знаю. — Она сняла один из наушников. Под ним, на коже за ухом, был старый шрам. — Я слышала его одну ночь. Пятнадцать лет назад. Оглохла на левое ухо, а правое берегу.

Она снова надела наушник.

— Теперь оно растёт. Люди в прибрежных кварталах не спят, не едят, бьются головой о стены. Мы затыкаем уши воском, но это только откладывает. Наши учёные сказали, что звук идёт не снаружи, а изнутри мира. Один старик в нашей библиотеке нашёл упоминание о Безмолвии и о доме, где поют. Мы думали, что это легенда.

Она посмотрела на нас с тяжёлой, усталой надеждой.

— Я приплыла проверить, правда ли это.

Во дворе стало очень тихо. И в этой тишине, откуда-то из-за моей спины, прозвучал тонкий детский голос:

— Оно плачет.

Я обернулась. Элара стояла на ступенях, босая, в синем платье, с карандашом в кулаке. Она смотрела не на посла, а куда-то далеко, за стены Дома, за горы, туда, где был юг.

— Оно очень давно плачет, — повторила она. — И никто не отвечает.

Сайрен не слышала, но видела губы. Она побледнела.

— Откуда она знает?

Я взяла дочь за руку. Её пальцы были холодными.

— Не знаю, — сказала я. — Но, кажется, мы собираемся выяснить.

Глава вторая. Совет

Совет мы собрали в тот же вечер, в круглом зале, где восемь лет назад решалась судьба Барьера.

Дальхейм, теперь седой, сутулый, с палкой, которой он, впрочем, пользовался только для эффекта, сидел во главе стола. Рядом с ним Лейна, которая стала главой Совета Тайн и умудрялась запугивать даже его. Мама с отцом пришли вместе. Отец, Ровен, поседел за последние годы, но держался прямо и по-прежнему молча слушал, когда другие спорили. Мирин и Тарен сидели рядом, и на коленях у Мирин спал их сын Лео, трёхлетний, золотоволосый, с лохматой головой Тарена и серьёзными глазами матери. Огонь вокруг него вспыхивал, когда ему снились яркие сны, и Мирин уже привыкла прикрывать его ладонью.

Орвен пришёл последним. Старик почти не выходил из зала Очага с тех пор, как поселился в Доме, но сейчас сидел, сцепив руки на коленях, и смотрел на Сайрен так, как смотрят на человека, принёсшего очень давнюю и очень плохую новость.

— Расскажите про Гул ещё раз, — попросил он. — Подробнее.

Сайрен разложила на столе карту. Береговая линия Ауртиса, изрезанная, как кружево, и у южной оконечности мыса чёрная метка.

— Это скалы Шёпота. Они выходят в море на сто метров, под ними пещеры. В нашей истории сказано, что два века назад на этих скалах стоял храм. Его разрушили, а жрецов изгнали. После этого появился Гул.

— Какой именно звук? — спросил Кайрен.

— Это не звук, — тихо сказала она. — Это как сотни голосов, говорящих одновременно. Но слова не разобрать. Они накатывают волной, и в какой-то момент перестаёшь слышать собственные мысли.

Мирин вздрогнула.

— Это как у нас на Празднике, — прошептала она. — Когда Аскарт запустил Хор.

— Нет, — сказал Орвен. — Не так.

Все повернулись к нему.

— Хор Аскарта заглушал. Он делал всех одинаковыми. А Гул, судя по её описанию, не заглушает. Он переполняет. — Старик помолчал. — Это не враг Безмолвия. Это его противоположность.

— Объясни, — сказал Кайрен.

— Когда мы, девятеро, запели Первую Песню, мы разбудили Безмолвие. Но мы не знали, что у любой тишины есть второй полюс. Безмолвие это отсутствие звука. А Гул, видимо, избыток. Все голоса, которые никогда не были услышаны. Все слова, которые остались несказанными. Они не исчезают, они копятся. И где-то собрались вместе.

В зале стало очень тихо.

— То есть он тоже ребёнок? — спросила я. — Как Безмолвие?

— Скорее брат, — ответил Орвен. — Старший или младший, не знаю. Но если один просыпается, второй обязан откликнуться. Я чувствовал это давно, но думал, что ещё есть время.

— Время для чего? — спросил Дальхейм.

— Чтобы их познакомить, — сказал Орвен. — Безмолвие не знает, что такое избыток, а Гул не знает, что такое покой. Каждый из них думает, что один во всём мире. Они оба кричат об этом, один тихо, другой громко.

Лис, сидевшая у окна, медленно подняла голову.

— Вот почему Элара слышит, — сказала она. — Она рождена между ними. Она слышит оба голоса.

Я почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Лис, — сказала я. — Что ты имеешь в виду?

— Нии, она не просто тихая. — Лис смотрела на меня с такой смесью жалости и решимости, что я отвела взгляд. — Она переводчица. Как Лайра. Только лучше. Потому что родилась такой.

— Нет, — сказала я.

— Нии...

— Нет. — Я встала. — Ей семь лет. Она не будет ничем жертвовать. Мы поедем сами, найдём способ, но Элара остаётся в Доме.

— Ниара, — тихо сказал Кайрен.

— Нет, Кайрен. — Я повернулась к нему. Голос сорвался. — Не проси меня об этом. Я не могу.

Он подошёл и взял меня за руки. Кольцо на моём пальце звякнуло.

— Я не прошу, — сказал он. — Я и сам не хочу. Но, Нии, она уже слышит. Её не остановить стенами. Если мы оставим её здесь, она всё равно будет слышать, как Гул зовёт, и некому будет объяснить, что с этим делать.

Я закрыла глаза. Не потому, что он был неправ. Потому что был прав.

— Я не готова, — сказала я.

— Я тоже, — признался он. — Но мы никогда не бываем готовы.

Мама, до этого молчавшая, поднялась и подошла ко мне.

— Нии, — сказала она. — Когда ты решила идти вместо Мирин, я чуть не умерла от страха. Я хотела запереть тебя в доме и не выпускать. Но потом поняла, что любить — значит не защищать от мира, а идти рядом.

— Это не то же самое.

— То же, — сказала мама. — Просто теперь ты по другую сторону.

В зале все молчали. Даже Дальхейм не стучал палкой.

— Хорошо, — наконец сказала я. — Мы поедем. Но с одним условием.

— Каким? — спросил Кайрен.

— Элара остаётся с мамой, пока мы не поймём, что именно нас ждёт. Если опасно, она не поплывёт. Никогда.

— Принято, — сказал он.

Сайрен, которая всё это время наблюдала за нашими губами, тихо произнесла:

— Мы приготовим корабль. Выходим через неделю.

Позже, уже ночью, я сидела на краю кровати Элара и смотрела, как она спит. Рисунки на стенах слабо светились в полутьме, как будто впитали лунный свет. Я погладила дочь по волосам, и она во сне что-то пробормотала.

Одно слово, тихое, но ясное:

— Мама.

Потом ещё одно, уже чужим, непонятным голосом, который никак не мог принадлежать семилетней девочке:

— *Приди.*

Я не заснула до утра.

Глава третья. Сборы

Неделя на сборы прошла в такой суете, что я почти забыла бояться.

Орвен день и ночь сидел в библиотеке, перебирая старые свитки. Дальхейм писал письма королям и герцогам, объясняя, что экспедиция на юг не нарушает ни одного договора, а если нарушает, то он лично разберётся. Мара торговалась с портовыми купцами за запасы, при этом умудряясь выглядеть так, будто делает им одолжение. Бургомистр, узнав, что едет море, отказался вставать и выходить из кладовой, и Мара, вздохнув, объявила, что мул остаётся в Доме «на хозяйстве».

— Он будет следить за порядком, — сказала она. — Пока меня нет, его принципы никто не нарушит.

— А если нарушит? — спросил Лео, дёргая её за подол.

— Тогда я вернусь, и сыр кончится у всех.

Лео задумчиво кивнул. У него уже сейчас был дар понимать угрозы по существу.

Тарен возился с огнём, придумывая, как защитить корабль от возможной бури. Мирин собирала семена и корни, которые, по её словам, «могут пригодиться, а могут и не пригодиться, но лучше иметь». Лис металась между всеми, передавая сообщения, и в какой-то момент я заметила, что она больше не переводит чужие голоса, а использует их как инструмент, мягко и точно, как музыкант, который знает каждую ноту.

— Ты сильно выросла, — сказала я ей вечером, когда мы вдвоём сидели на стене.

— Я просто научилась слушать быстрее, — ответила она. — Нии, я боюсь.

— Чего?

— Не Гула. Элары.

Я повернулась к ней.

— Почему?

— Потому что она слышит то, что я только догадываюсь. — Лис подтянула колени. — Когда я была маленькой, я слышала чужие голоса и повторяла их, как попугай. Потом, с Лайрой, я начала понимать. Но Элара... она рождена с этим. Она никогда не была «пустой». С первого дня в ней два голоса, и ей приходится выбирать, чей громче.

— Она справляется.

— Пока да. — Лис посмотрела на меня. — Нии, ты знаешь, что она разговаривает с Безмолвием?

Я замерла.

— Что значит «разговаривает»?

— Не словами. — Лис помолчала. — Но когда она рисует, Безмолвие делает так, чтобы в комнате не было других звуков. Оно её бережёт. А когда она слушает Гул, оно, кажется, пытается ей помочь. Они вместе. Но она всё равно ребёнок, а у ребёнка нет защиты от того, что слишком большое.

Я смотрела на горы, на редкие огни в долине, на тёмную полосу леса. И мне вдруг стало до боли ясно, как мало у нас времени. Не на дорогу. На то, чтобы быть матерью.

— Лис, — сказала я. — Пообещай мне одну вещь.

— Любую.

— Если со мной что-нибудь случится, а она останется одна, не позволяй ей остаться голосом без дома.

Лис долго молчала. Потом протянула руку и сжала мою ладонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.